ГЛАВА 2. ДИСКУРС-АНАЛИЗ ТРАВЕЛОГА

2.1. Понятие «дискурс травелога»

Прежде чем обратиться непосредственно к раскрытию содержания понятия «дискурс травелога», рассмотрим основные методологические подходы к анализу дискурса как такового, поскольку через них выражаются главные смыслы дискурсивного анализа социальных явлений и процессов.

В настоящее время в гуманитарных науках сложились научные школы и исследовательские направления, разрабатывающие оригинальные теории дискурса и дискурс-анализа[178]. Назовем только два наиболее распространенных течения в современном анализе дискурса: 1) критический дискурс-анализ (КДА); 2) постмодернистский дискурс-анализ.

Для КДА характерными являются следующие подходы к исследованию дискурса:

– трактовка дискурса как формы социального действия, которая определяется ценностями, социальными нормами и практиками, находящимися под влиянием структур власти и исторических процессов[179];

– рассмотрение процедуры дискурса в качестве коммуникативной акции, производимой в форме текста и речевых практик;

– ярко выраженный кратологический уклон в исследовании дискурсов (согласно Ван Дейку, одной из главных задач КДА является определение связей между дискурсом и социальной властью, описание и объяснение того, как реализуется, воспроизводится и легитимируется злоупотребление властью с помощью дискурса доминирующих групп и институтов[180]);

---

[178] Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. (Серия «Дискурсология». Выпуск 1). Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. 210 с.

[179] Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса / пер. с англ. В.И. Карасика // Политическая лингвистика. 2011. 4(38). С. 288.

[180] Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 88.

– пристальное внимание к анализу дискурсов господства и подчинения, понимание дискурса как вербальной репрезентации отношений социального неравенства, доминирования и контроля;

– установка на выявление и разоблачение дискриминационных форм дискурса, репрезентирующих отношения социального неравенства, к которым относят, прежде всего, дискурсы расизма, этнизма, сексизма, эйджизма;

– центральная задача КДА – выяснение, как именно при помощи коммуникативной деятельности предписывается и воспроизводится социальное, гендерное, расовое или этническое неравенство, а также, – каковы способы языкового сопротивления данным видам неравенства;

– среди тематических направлений ведущее место занимают исследования образов угнетаемых социальных групп, анализ стратегий легитимации евроцентризма, постколониализма, правого и левого популизма;

– рассмотрение медиадискурса как инструмента манипулирования общественным мнением.

Наиболее известными представителями КДА являются Норманн Фэркло[181], Рут Водак, Пол Чилтон, Мишель Мейер[182], Кристина Шаффнер[183], Тён А. ван Дейк[184].

Представители КДА рассматривают дискурс как форму социальной практики, в ходе которой осуществляется конструирование властных отношений (отношений домини-

[181] Fairclough N. A Dialectical-Relational Approach to Critical Discourse Analysis // Methods of Critical Discourse Analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2009. P. 162–186; Fairclough N. Language and Power. London: Routledge, 2015. 264 p.

[182] Wodak R. The politics of fear: What right-wing discourses mean. London: Sage.2015; A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis. Theory, Methodology and Interdisciplinarity / edited by Ruth Wodak and Paul Chilton. John Benjamin Publishing Company, 2005. 322 p.; Methods of Critical Discourse Analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2015. 272 p.

[183] Politics as Text and Talk. Analytic approaches to political discourse / edited by Paul Chilton, Christina Schäffner. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, 2002. 246 p.

[184] Van Dijk T. Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach // Methods of Critical Discourse Analysis / R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2009. P. 62–86; Van Dijk T. Discourse and Knowledge A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2014. 407 p.

рования и неравенства). Согласно Н. Фэркло, дискурс формируется социальными структурами и практиками, а также социальными агентами, вовлеченными в социальные события. Это позволяет, по мнению исследователя, выяснить, каким образом материализуется, воспроизводится и навязывается та или иная система взглядов, ценностей и целеустановок[185]. В то же время дискурс и социальные структуры являются взаимно конституирующими сущностями: социальные структуры создают дискурсивное событие, а оно, в свою очередь, формирует социальную и политическую реальность.

Считается, что в любом критической анализе дискурса присутствуют три стратегических концепта: концепты власти, истории и идеологии. Под идеологией понимается система мнений и убеждений, выдвигаемая социальной группой, имеющей власть. Представители данного направления занимают активную социальную позицию, ищут пути для предупреждения социальных конфликтов.

Постструктуралистский подход к дискурсу имеет следующие особенности:

– дискурс трактуется как синоним практики социального конструирования;

– между дискурсами складываются отношения конкуренции за доминирование в способах означивания (интерпретации) реальных явлений, событий и процессов;

– утверждается, что те явления и процессы, которые обычно именуют объективной реальностью, на самом деле являются конструктами, созданными доминирующими дискурсами;

– идеология представляется в качестве совокупности изменчивых знаков, имеющих различные артикуляции, и обозначается понятием «миф»;

– дискурс рассматривается как знаковая система, внутри которой выделяются *узловые точки*, или привилегированные знаки, к примеру, одной из таких точек в политическом дискурсе выступают понятия «гегемония»;

– *область дискурсивности* трактуется как резервуар для новых возможных обозначений, производимых практикой *артикуляции*, посредством которой постоянно воспроизводятся, оспариваются или преобразуются дискурсы;

[185] Fairclough N. Textual analysis for social research. New York: Routledge, 2003. 270 p. P. 22.

– интенция к объединению в дискурс-анализе концепции власти М. Фуко с психоанализом власти Лакана;

– трактовка дискурса как незавершенной и открытой структуры, как к конгломерату артикуляций, в котором всегда есть альтернативные варианты означивания и смыслопорождения;

– все социальные и политические понятия являются дискурсными конструктами.

Постструктуралистский подход к дискурсу в зарубежных исследованиях представлен работами Эрнесто Лакло[186], Шанталь Муфф[187], Якоба Торфинга, Дэвида Ховарда[188].

Постструктуралистский подход к дискурсу отличается от КДА тем, что его последователи отвергают онтологическую идею представителей критического дискурс-анализа об обусловленности дискурса внедискурсивными силами на уровне экономики и государственных институтов. Они не согласны, что такие кажущиеся недискурсивные феномены, как технологии, институты, экономические отношения, сконструированы как-то иначе, без участия дискурсивных практик, поскольку дискурс рассматривается ими в качестве атрибута любой социальной деятельности и любого социального института.

Доминирующие дискурсы устанавливают: 1) режим правды, который определяет, что следует считать правдой, а что ложью; 2) режим ценностей, который определяет критерии, по которым судят, что хорошо, а что плохо; 3) режим коммуникации, который определяет, кто кому разрешает говорить и с каких позиций; 4) режим комьюнити, когда решается, кто может находиться внутри сообщества, а кто не должен там быть, кто наши друзья, а кто – враги[189].

---

[186] Laclau E. New Reflections on the Revolution of Our Time, 1990. London: Verso; Laclau, E. The death and resurrection of the theory of ideology // Journal of Political Ideologies. 1996. 1 (30). Pp. 201–220.

[187] Laclau E. and Mouffe C. Hegemony and Social Strategy. Towards a Radical Democratic Politics, 1985. London: Verso.

[188] Torfing Jacob. New Theories of Discourse: Laclau, Mouffe, and Zizek / Jacob Torfing. Oxford: Blackwell Publishes Inc, 1999. 342 p.; Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance / edited by David Howard and Jacob Torfing. Palgrave Macmillan Ltd, 2005. 364 p.

[189] Ibid. Pp. 220–221.

Авторы российских исследований дискурса, как правило, придерживаются либо социолингвистической и лингвосемиотической его трактовки[190], либо некой синтетической модели, в которой присутствуют черты как КДА, так и постструктуралистского подхода[191].

В наших работах, посвященных методологии дискурс-анализа, мы неоднократно останавливались на структурных моделях изучения дискурса публичной коммуникации[192], а также на особенностях дискурса травелога[193]. На основании проведенных исследований дадим далее краткое определение понятию «дискурс травелога», а также выделим его основные структурные компоненты и сформулируем основные функции.

Прежде всего, отметим, что под дискурсом травелога, рассматриваемом *в широком его понимании,* (а именно, как публичной акции экспедиционного характера), мы подразумеваем сложноструктурированную систему, состоящую из следующих основных компонентов: 1) *интенциональный*

[190] Гаврилова М.В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: дис. … д.ф.н. / М.В. Гаврилова. Санкт-Петербург, 2005. 468 с.; Олянич А.В. Потребности – дискурс-коммуникация: монография / А.В. Олянич. Волгоград: ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ, 2014. 216 с.; Карасик В.И. Дискурс // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 3–4 (20–21). С. 147–148.

[191] Дискурсы власти: коллективная монография / Н.А. Меркурьева, А.В. Овсянников; отв. ред. А.Г. Пастухов. Орёл: ООО «Горизонт», 2015. 378 с.; Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы: коллективная монография / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород», 2016. 244 с.; Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Персональный вклад уральских ученых в изучение политических дискурсов: структурно-тематический обзор // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2018. № 2 (31). С. 30–113.

[192] Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ. С. 113–169; Русакова О.Ф. Структурный дискурс-анализ статьи президента РФ В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 10–25.

[193] Русаков В.М. Дискурс травелога: словари и справочники как изречение неизреченного // Научно-практический альманах «Дискурс-Пи». 2008. № 8. С. 29–33; Русаков В.М., Русакова О.Ф. Методология дискурс-исследования травелога // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2014. № 4 (17). С. 12–19 и др.

план дискурса травелога (коммуникативный проект, включающий его миссию, новизну, стратегии, мотивы и планы акторов); 2) *актуальный* план дискурса травелога (практическая реализация проекта в живой практике); 3) *дескриптивно-аналитический* план дискурса травелога – описание и анализ собранных данных); 4) *контекстуальный* план дискурса травелога (рассмотрение полученных материалов в историческом, политическом, культурном и иных контекстах); 5) *репрезентационный* план дискурса травелога – демонстрация полученных данных и собственных впечатлений перед заинтересованной публикой; 6) *«осадочный»* план дискурса травелога: отклики и реакции публики на дискурс травелога, изменения представлений об объектах окружающего мира у общественных кругов и у самих акторов травелога).

В узком смысле слова, под дискурсом травелога нами понимается *ментальное образование,* связанное с реализацией дескриптивно-аналитического плана данного дискурса и выполняющее следующие *коммуникативно-семиотические функции*:

– функция реализации коммуникативно-познавательных стратегий в травелоге, направленная на производство и трансляцию нового знания и новых образов;

– функция означивания способов осуществления травелога, взятого во всей полноте своих текстовых и внетекстовых (визуальных, звуковых, мультимедийных) форм выражения и продвижения;

– функция смыслопроизводства, направленная на формирование определенной картины мира, на раскрытие мировоззренческих и знаково-символических аспектов травелога;

– функция нарратизации (создание повествовательных моделей) для описания стратегий, маршрутов, преодоления препятствий и результатов травелога;

– функция интерпретации рассматриваемых событий и объектов исследований в травелоге;

– функция идентификации и позиционирования новых объектов, открываемых в травелоге.

Если говорить кратко, то под *дискурсом травелога* нами подразумевается *многосоставная система способов означивания, интерпретации, нарратизации и репрезентации путешествия,* взятого во всей полноте своих текстовых и внетекстовых форм выражения и продвижения.

От способов означивания зависит то, какая доминирующая версия путешествия утвердится в массовом сознании, какой нарратив станет главным, определяющим сущность рассматриваемых событий и фактов, характер организации пространственно-временных параметров травелога. Например, с позиции данного подхода становится важным, раскрывает ли дискурс того или иного травелога имперскую славу конкретного государства, фокусирует ли внимание на его культурно-исторических взлётах и достижениях, или, напротив, говорит об его колонизаторской природе, репрессивных практиках, угнетений свобод.

Дискурс травелога задаёт оптику видения действительности посредством совершаемых в процессе путешествования открытий Иного, Другого, Незнакомого. При этом путешествующий субъект производит коррекцию собственной идентичности, собственных представлений о месте Своей культуры в мире. Его угол зрения, таким образом, оказывается подвижным, текучим, изменяющимся. Данные трансформации могут в итоге приводить к интенциональным сдвигам в дискурсе травелога. К примеру, обычный туристический травелог может обернуться травелогом выбора новой культурной идентичности.

2.2. Семиотический аспект дискурса травелога

Процесс *семиозиса* – означивания всего пространственно-временного континуума, в котором жизнедействует субъект, является универсальной необходимостью человеческого существования[194]. Это есть также ничто иное, как смысложизненное ориентирование, без которого человек не может существовать как человек (он стремится осознать – что он есть такое и как он к этому пришел, каковы направления движения – к наличию позитивного смысла или отсутствию его, в каких направлениях предпочтительно двигаться, а в каких – нет).

Идеи семиотического механизма культуры были многообразно проработаны в отечественной литературе Ю.М. Лотманом[195], ему же принадлежит идея «семиосферы» и «семио-

[194] Как гласит древнеегипетская мудрость: без своего слова вещь не существует.

[195] Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры (совм.